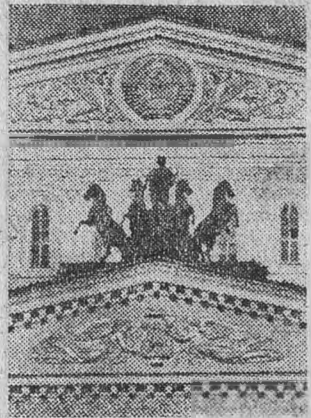

18 АПР 1976

ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОЙ О П Е Р Ы

К 200-летию Большого
академического театра СССР

Б ОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ НАЗАД Ирина Архипова по приглашению выдающегося итальянского певца Марио дель Монако впервые вышла на сцену прославленного неаполитанского театра оперы и балета «Сан-Карло» в роли Кармен. К аплодисментам советских зрителей и слушателей прибавилось признание итальянских ценителей музыки и пения. Народная артистка СССР Ирина Константиновна Архипова стала любимой певицей Неаполя и Рима, затем ее узнали и полюбили в Будапеште, Берлине, Вашингтоне, Нью-Йорке, Лондоне, Варшаве, Париже, Буэнос-Айресе... Наконец, крупнейшая французская фирма грампластинок удостоила ее высшего приза «Золотой Орфей», как лучшую исполнительницу 1975 года.

Слава И. Архиповой — слава Большого академического театра СССР, который живет сейчас подготовкой к своему 200-летию. Творческие победы выдающейся актрисы — торжество советской музыкальной культуры. И потому наши беседы с мастерами Большого театра СССР, посвященные его двухвековому юбилею, мы решили начать встречей нашего корреспондента Александра Кравцова с народной артисткой СССР Ириной АРХИПОВОЙ.

В ее квартире много молчаливых, но вместе с тем красноречивых свидетельств признания, которое певица завоевала в СССР и за его рубежами: памятные подарки, книги, портреты.

— Осваивайтесь, оглядывайтесь, смело пользуйтесь тем, что вам покажется интересным, — говорит, показывая на книги, Ирина Константиновна, — а я, с вашего позволения, закончу урок со своими учениками. Времени так мало, а сделать надо так много...

Она уходит в другую комнату, и слышно, как, бережно, кропотливо объясняя каждую

позицию, щедро раскрывая тайны своего мастерства, педагог Московской консерватории И. К. Архипова работает со студентами. «Времени так мало»... С уважительным удивлением я думаю о редкой трудоспособности этой женщины: ежедневные многочасовые занятия, работа над совершенствованием своего мастерства и воспитание певческой молодежи, участие в концертах и спектаклях Большого театра, частые zahraniчные гастроли, общественная деятельность, председательские обязанности на постоянном Всесоюзном конкурсе вокалистов имени М. И. Глинки.

Когда Ирина Константиновна, отпустив учеников, возвращается ко мне, я делюсь с ней этими мыслями.

— Я считаю, — говорит она, — что активная общественная деятельность — норма для каждого советского художника. Гражданственность, соучастие в сегодняшнем дне жизни народа — это ведь не нагрузка, а внутренняя необходимость, воспитанная с юных лет. В свое время я закончила Московский архитектурный институт, занималась градостроительством. В среде архитекторов видела примеры не сухо профессионального, а творческого и гражданского отношения к жизни и к обществу. Широта эстетических интересов нашего ректора, академика И. В. Жолтовского, который любил и понимал музыку, пригласил для занятий со студентами хорошего педагога по вокалу, помог мне определить свое отношение к пению. Моим первым и самым дорогим для меня учителем стала Н. М. Малышева, жена выдающегося советского лингвиста, академика В. В. Виноградова. Этих людей я считаю своими воспитателями. Позже вместе с замечательным педагогом Л. Ф. Савранским, у которого я училась в консерватории, на мое развитие влияли видный советский скульптор В. И. Мухомин и вахтанговская актриса и педагог Е. М. Шухмина... Сейчас в нашей стране активно разви-

вается наставническое движение. Мне кажется, что это — одно из гуманныйших общественных явлений нашего времени. Благотворное воздействие наставников старшего поколения я, как видите, испытала на себе и убеждена, что именно они способствовали моим успехам...

— А теперь — об успехах...

— Значит, о Большом театре, о советской музыкальной культуре. Я ведь не мыслю себя вне этого громадного и могущественного духовного целого. Большой театр наследовал все лучшее, что создавала русская и советская многонациональная культура. Я — лишь частица этого целого, и мои творческие успехи — лишь его малое отражение. Пою ли я партию Кармен или партию Марфы в «Хованщине», Марины Мнишек в «Борисе Годунове», Комиссара в «Оптимистической трагедии» или даже Арианы в современной французской опере «Ариана и Синяя борода», которая идет нынче в Париже, я всегда остаюсь актрисой Большого театра...

— Недавно в Буэнос-Айресе, в одном из самых крупных музыкальных театров латиноамериканского материка, вы пели Марину Мнишек. С вами выступали солисты Большого театра Евгений Нестеренко и Владислав Пьявко. Резонанс был триумфальным. Расскажите об этом.

— Прежде всего я хочу рассказать о том, как советские артисты внесли новое в само отношение к делу, в этику театра капиталистической страны. Советскому читателю может показаться диким, что в театрах Запада существуют резкие разграничения между премьерными, примадонными и другими актерами труппы, тем более — с хором. Мы же привыкли видеть товарищей в каждом человеке, который работает вместе с нами: и в дирижере, и в рабочем сцены.

Эти качества мгновенно располагают к нам всех — от работников театра до зрителей. В такой здоровой творческой атмосфере мы работали и с труппой аргентинского театра. «Борис Годунов» исполнялся на русском языке, в оригинале. Мы учили наших коллег носить русский костюм, правильно произносить русский текст, учили их манерам боярской Руси. В контракте все это не было обозначено. Мы работали, как говорится, на общественных началах, и это очень удивляло аргентинцев. Евгений Нестеренко пел партию Бориса, Владислав Пьявко — Самозванца, я — Марины. Спектакль получился глубоким и увлекательным. О нем много писали и говорили. И в каждом добром слове о нас мы видели похвалу не только культуре Большо-

го театра, который представляли в Аргентине, но и высокую оценку этике советского человека. Вспоминаются открытые и вдохновенные глаза тысяч людей, которые стали нашими друзьями — друзьями нашего народа...

— Большой академический театр СССР сейчас накануне своего двухсотлетия. Если бы вас попросили в короткой форме выразить самое главное пожелание будущему Большому театру...

— Я бы сказала так: «Постоянно создавать образцы советского и мирового музыкального искусства — в опере, в балете, в инструментальной музыке». Когда хотят дать высокую оценку артисту или спектаклю, говорят: «Это — на уровне Большого театра». Пусть веч-но так и будет.